В тяжелый час, в досрочный час
Из гнезд мы улетали.
Не мамы целовали нас –
Нас пули целовали.

А. Смольников. Мои ровесники

Мое поколение – это те, кто родился через 15-20 лет после окончания Великой Отечественной войны. Мы видели и запросто общались с ветеранами , но тогда они были еще молодыми. Хотя, конечно, нам они казались в свои тридцать-сорок-пятьдесят лет глубокими стариками. Личное отношение к Войне и Победе формировалось незаметно – через рассказы родных, через книги и фильмы. До сих пор помню фильмы, увиденные в детстве: «Она защищает Родину», «Государственный преступник»...

Для меня военные годы – это история моей семьи. Дед со стороны матери – Егор Иванов – в феврале 1942 года пал смертью храбрых в тяжелых боях на Ленинградском фронте. Дед со стороны отца – Ширманов Шамгун – был тяжело ранен под Ленинградом в 1944-м...

А еще мое отношение к Войне и Победе формировалось через стихи тех, кто воевал... Сорок пять лет (или, может, уже больше?) прошло с тех пор, как я прочитал и запомнил на всю жизнь простые строки:

Я не забыл, как танки догорали,
Как вырывался автомат из рук,
Как на кресте в гестаповском подвале
Висел непокоренный политрук.

... Я не забыл волынские болота,
Концлагерей колючие штыки.
Я не забыл, как с мертвого комроты
Эсэсовцы снимали сапоги.

Сегодня уже не помню имя автора, но слова поэта, явно написанные по личным впечатлениям, врезались в память. Все это вспомнилось, когда начал собирать материалы для очерка о ветеране Великой Отечественной войны, поэте Алексее Смольникове.

Несколько интернет-источников сообщают одну и ту же биографическую информацию. Вот, например, «Воронежский Гид«: «СМОЛЬНИКОВ Алексей Степанович (24.06.1926, го-

род Сарапул, ныне Удмуртия – 2000, город Москва), поэт, прозаик, переводчик, член Союза писателей СССР (1964). Окончил Воронежскую школу радиоспециалистов (1944), Литературный институт имени А.М. Горького (1954). Участник Великой Отечественной войны. Автор многих книг, начиная с 1957 года. Занимался переводами марийских и удмуртских поэтов. Лауреат премии марийского комсомола имени О. Илая (1980), дипломант Министерства обороны СССР (1985). Участвовал в работе областного совещания молодых писателей (Воронеж, ноябрь 1966 года)».

Но мне хочется рассказать об Алексее Степановиче подробнее, процитировать хотя бы несколько его стихотворений о войне. И еще сказать несколько слов о Ханты-Мансийске – городе, который поэт любил и считал родным, хотя, формально говоря, родился он далеко отсюда.

Через день после окончания школы № 1 поселка Ханты-Мансийска, в июле 1944 года, Алексей Смольников был призван в ряды Советской армии. О том последнем школьном вечере он рассказал в биографической повести для детей и юношества «Сотворение Родины». «Уже трижды мигнули лампочки, предупреждая, что электростанция заканчивает работу, уже устал играть патефон, под который мы танцевали, а нам все не хотелось расходиться. Это оказалось трудным – взять вот так и уйти. Пока он продолжается, этот вечер, мы ведь все один класс и школа эта – наша школа. Если мы уйдем сейчас, мы уже не вернемся». Это был последний прощальный вечер перед тем, как покинуть родной край и отправиться на фронт».

Через двадцать лет Алексей напишет в поэме «Мальчишки»:

Нас было в классе шестеро ребят,
И пятерых на фронт зовет дорога.
И нам в глаза пронзительно и строго,
Танцуя, одноклассницы глядят.

О том, как ханты-мансийцы, родные и незнакомые, провожали мальчишек на фронт, через много лет Алексей тоже напишет в повести «Сотворение Родины». Читая эти страницы, я зримо представляю себе колонну призывников, идущую летним днем сквозь кедровый лес по дороге из центра Ханты-Мансийска в Самарово, к пристани на берегу Иртыша. Потому, что до сего дня часть этого леса по-прежнему тянется вдоль той же дороги... А потом – пароход, уходящий на юг... и армейские будни.

В сентябре 1944 года Алексей Смольников был переведен в Воронежскую радиошколу, находившуюся тогда в Новосибирске. Здесь готовили радистов маломощных переносных радиостанций. В ноябре 1944 года, вместе с другими выпускниками радиошколы, он был направлен на фронт и попал в 3-ю Ударную армию. Верховное командование уже тогда планировало взятие Берлина. Молодого радиста распределили в артиллерийский батальон 73-го стрелкового полка 33-й Холмско-Берлинской дивизии 12-го гвардейского корпуса.

Листаю сборники стихов А. Смольникова, газетные вырезки о нем, заботливо хранимые в отделе краеведения Государственной библиотеки Югры, и перед мысленным взором встают картины, увиденные глазами будущего поэта.

Могила безымянного солдата.
Нет имени. А было ведь когда-то.
Известен даже был размер сапог,
Пока солдат носить винтовку мог.

Получил гимнастерку. Б/у:
Под карманом отверстье пробито.
Под какою упал он ракитой,
Тот, другой, кто в ней был до меня?

Отходим мы, а сосны остаются.
Скрипят, скрипят...
Придется ль нам вернуться?
О, если бы корни, вместо ног у нас!

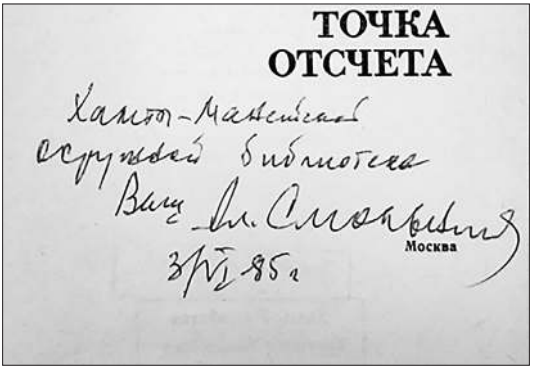
Никто в 1944 году еще не знал, сколько продлится война, сколько еще погибнет солдат и офицеров... Вчерашний мальчик пишет в 44-м стихи о письмах и смерти в бою.

В БЛИНДАЖЕ

В блиндаже по бревенчатым стенам уродливо мечутся тени,
Сжатый сплющенной гильзой пугливо дрожит огонек.
В полутьме разложил я конверты на сдвинутых тесно коленях –
Письма тем, кто уж к нам не вернется и не ступит на этот порог.

... На рассвете атака. Придирчиво чистили мы автоматы,
Адреса оставляли свои: если что – пусть не ждут.
Никому не известна тяжелая доля солдата.
Может, многие больше согреться в блиндаж не придут.

И такой тишиной письма их опоздавшие веют,
Даже страшно назад безответными их возвращать.
И врагов убивавшие руки не в силах, не смеют
Беспощадное «выбыл» на этих конвертах писать.



Читаю стихи из разных сборников, но ощущение, что это одна – большая поэма о великой беде, о Великой Победе. Сколько же успел будущий поэт увидеть и понять за несколько фронтовых месяцев? И как он отразил в стихах, трогающих душу, ощущения Победы!

Как молоды мы все на этом снимке
И веселы. Берлин у наших ног.
Стоим впритирку,
И сидим в обнимку
А кто-то просто на земле прилег.
И звезды наши светятся, и лычки,
И ордена – хоть ставь нас всех под стяг.
Вот только фон какой-то необычный –
Сирень,
А взяли только что рейхстаг.
Тут нам смекнуть бы: вот, мол, мы какие,
Мол, мы на «ты» с историей самой,
А мы-то улыбаемся: живые!
Рейхстаг, он что? Нам фото бы домой...
Но я за то друзей не упрекаю
(Историки поправят нас потом) –
История она и впрямь такая,
Пока скрижали пишутся штыком.

И через тридцать лет поэт будет вспоминать эти дни. В 1975 году он напишет не только о себе, но и о других:

9 МАЯ

Ощущение первое это:
Всё. Свершилось. Задохлась война!
Вот уткнуться б щекою в планету,
Будто мамина кофта она.
И уснуть, словно рухнуть в могилу,
На сто лет в тишину, в забытье
Чтоб добрать, что не доспано было
За все зимы и лета ее.
И потом только, выспавшись вволю,
Вдруг понять, не открыв еще глаз:
Жизнь твоя – предисловье, не боле
К той, другой, что начнется сейчас.

Алексей Смольников остался жив, вернулся к мирной жизни. В 1954 году окончил Литературный институт имени А.М. Горького, работал журналистом, участвовал в геологических экспедициях на Сахалин, Камчатку и Чукотку. В 1964 году был принят в Союз писателей СССР. Он автор многих поэтических книг, в том числе сборников «Паводок» (1957), «Годовые кольца» (1977), «Полдень» (1983) и многих других. Поэт переводил стихи с языков народов России и зарубежных странах, воспитывал начинающих авторов, способствуя их творческому росту.

В Ханты-Мансийске А. Смольникова помнят до сих пор. В городской школе № 1 есть музей, посвященный выпускникам школы. И на примере жизни и творчества Алексея Смольникова рассказывают детям о нашей истории.

75-летний юбилей Великой Победы в Великой войне призывает нас вспомнить всех, кто погиб и кто вернулся, отстояв в боях Родину, наших родных и близких, и мир для нас – рожденных после 1945...

Послесловие от редактора альманаха «Под часами»

Неизбежно возникает вопрос, почему вдруг в смоленском альманахе появилась публикация о поэте, родившемся в Ханты-Мансийске и жившем в Москве? Думается, следует это объяснить.

В 1986 году Алексей Степанович Смольников побывал в Смоленске на областном семинаре молодых поэтов, которые в те времена повсеместно проводил Союз писателей СССР. Из Москвы на тот семинар приехало два поэта: Кирилл Ковальджи, который работал в журнале «Юность», и Алексей Смольников, который работал с молодыми поэтами от Союза писателей СССР по линии Главного политического управления СА и ВМФ СССР. На том семинаре Кирилл Ковальджи отметил стихи Раисы Ипатовой, к тому времени уже окончившей заочно Литературный институт им. М. Горького и имевшей книгу стихов, изданную в Москве, а вот мои стихи об армии, в которой я отслужил двухгодичником после окончания института в период с 1983 по 1985 г, пришлись по душе Алексею Степановичу. В 1987 году он пригласил меня в свой семинар на Всероссийский семинар молодых писателей СА и ВМФ СССР, в дом творчества писателей «Ислочь»,

что располагался под Минском. Из гражданских я был в семинаре один, все остальные ребята были кадровыми офицерами. Многие из семинара Смольникова состоялись как поэты и стали известными в современной литературе. Например, Александр Кердан, Борис Орлов, Михаил Михайлов (автор-исполнитель афганских песен). Интересна одна история. В семинар я был приглашен самим Смольниковым, были уже и неоднократные участники предыдущих семинаров, но некоторые ребята лично еще не знали нашего руководителя. На заседаниях под белорусскими соснами шел разбор стихов, мы говорили о стихах друг друга, а Алексей Степанович брал итоговое слово. О песнях, конечно, разговор не шел. И вот за бильярдным столом Миша Михайлов, приехавший на семинар с гитарой, услышав от меня, что я иду в номер Смольникова на беседу тет-а-тет, попросил меня поговорить с мастером, чтобы он нашел время и послушал Мишины песни. Алексей Степанович согласился и назначил вечером на следующий день прослушивание песен в фойе гостиницы дома творчества. А потом в журнале «Советский воин» появилась публикация песни Михайлова, она до сих пор звучит в моей душе: «В Кушку, словно в тамбур, вышли покурить...». Но это так, попутное упоминание. А главное заключается вот в чем. Алексей Степанович Смольников явился в моей творческой судьбе тем поэтом, который оказал существенное влияние на мой дальнейший творческий путь. Во-первых, он напечатал в журнале «Советский воин» подборку моих армейских стихов, предварив ее своим предисловием, которое заканчивалось так: «...В нашем полку прибыло». Во-вторых, на той встрече, которая состоялась по моей просьбе, в Ислоче, он разрешил для меня сложнейший вопрос, которым я мучился. В «Родник» на занятия к Ю.В. Пашкову, которого считают моим учителем в поэзии, я впервые попал в 1980 году; привела меня туда Элина Удальцова, с которой мы учились в одной школе. Юрий Васильевич действительно напечатал в газете «Смена» мои первые стихи, но, признаться, ни разу у меня с ним не было откровенного разговора, он всегда держал дистанцию, которой в те времена придерживались многие, вынужденную дистанцию, созданную советской идеологией, за соблюдением которой так яростно следило КГБ. И ни одного урока в поэзии я от него не получил, кроме обычных разборов стихов самими участниками на заседаниях ЛИТО. Вернувшись из армии в Смоленск в 1985 году, я стал изредка посещать заседания «Родника» после того, как при случайной встрече на Блонье Юрий Васильевич пригласил меня вернуться в ЛИТО. Посещая заседания ЛИТО, я всегда тяготился той мыслью, что происходящее на них совершенно меня не устраивало, не отвечало на творческие вопросы, которые меня мучали; я тяготился этими посещениями, и удерживало меня лишь то, что только Пашков тогда мог опубликовать в местной прессе твои стихи как члена его литобъединения. И вот на той встрече я спросил у Смольникова напрямую, стоит ли мне продолжать ходить на ЛИТО, объяснив, что это, в общем-то, для меня как какая-то обязанность, поскольку мне неловко перед Пашковым. И я был тогда очень удивлен прямым ответом Смольникова, который и определил весь мой дальнейший творческий путь. Алексей Степанович тогда мне сказал, мол, Володя, вам не стоит посещать ЛИТО, они вас как поэта там замордуют, путь настоящего поэта – это тяжелый одинокий путь. И я последовал этому мудрому совету поэта-фронтовика. Еще один интересный факт, можно сказать, метафизический. На той встрече Алексей Степанович мне сказал, что готов помочь мне с работой, которая может способствовать формированию меня как литератора и поэта – устроить служить в армейской печати. Но сразу же он оговорился, что начинать придется с дивизионной газеты, причем не здесь, в средней полосе России, а, скорее всего, где-нибудь на Дальнем Востоке. Два года моей службы

в армии прошли на острове Огурчинский в Каспийском море, среди песков и воды; пейзаж кинофильма «Белое солнце пустыни». Там я нагляделся, как семейные офицеры подолгу ждали перевода из пустыни в другое место. Был у нас такой капитан Довгань, начальник станции РЛС П-15. У него было двое детей, которые учились в челекенской школе, проживая в разные годы в разных туркменских семьях в городе Челекене, куда раз в неделю ходил военный катер, прикомандированный к нашему отдельному батальону. Я помню тот неописуемый восторг, когда Довганя после 8 лет службы на острове после многочисленных рапортов наконец-таки перевели в другую воинскую часть. И знаете куда? На Дальний Восток! Но он, его жена и дети радовались этому и считали, что лучше жить среди лесов, чем среди песков. А мой командир роты капитан Аврусин признавался мне, что он согласился бы оставаться капитаном до самой пенсии, лишь бы служить где-нибудь в центре России, на точке вблизи какого-нибудь небольшого районного городка... В 1986 году у меня родился второй сын, Александр, и хотя денег мне для семейной жизни от моей работы инженером в НИИ «Техноприбор» совершенно не хватало (получать зарплату я стал в два раза меньше, чем получал на службе в армии), представить себе, что вновь поеду на прохождение службы с семьей в глухомань (а расстаться с семьей на длительный срок для меня было просто немыслимо), я не мог. Я поблагодарил Смольникова за его предложение о службе в армейской газете и отказался. А потом, да и теперь, я часто вспоминаю свою маму, которая любил пословицу: «Чему бывать, того не миновать». В последующей жизни мне все равно пришлось надеть военную форму, стать журналистом и даже работать в дивизионной газете, пусть и на пенсии, но избежать предначертанного – не удалось.

Смольников оказал влияние и на выбор мной членства в союзе писателей в 1997 году. Я позвонил Алексею Степановичу домой, в Москву, он был уже очень стар, но в полном здравии ума. В разговоре он спросил, мол, почему вы собираетесь вступать именно в Союз писателей России, ведь сейчас есть и другие писательские организации... Это означало, что он не рекомендует мне Союз писателей России. После встречи с Виктором Петровичем Смирновым высказывание Смольникова окончательно определило мой выбор Союза российских писателей.

Таким вот образом, Смольников решительным образом оказал огромное влияние на мою творческую судьбу.

В год 75-летия Великой Победы я счел своим долгом вспомнить об Алексее Степановиче Смольникове на страницах альманаха «Под часами», пока есть такая возможность, вспомнить о поэте-фронтовике, детском писателе, помогавшем молодым поэтам и писателям отыскивать свою дорогу в литературе.

А помог мне в этом известный поэт, меценат, председатель литературного фонда «Дорога жизни» Дмитрий Мизгулин, который заочно познакомил с Игорем Ширмановым, написавшем очерк об Алексее Смольникове. Спасибо, друзья!

Я помню о вас, дорогой Алексей Степанович, и искренне вам благодарен за наше общение на Земле.

Владимир Макаренков